

Отзыв Полевого о пушкинских «Повестях Белкина» («фарсы, затянутые в корсете простоты, без всякого милосердия») столь же характерен, сколь и знаменит: издателя «Московского телеграфа» раздражали «бедность», лаконизм прозы Пушкина, подчеркнутое отсутствие в ней неистовых страстей à la Гюго, «фигурных украшений», густой метафоричности, витиеватости в слоге и сюжете. Легче всего было бы обвинить Полевого в неспособности понять глубину и оригинальность пушкинского дарования. Но слишком уж наивен этот аргумент. Выпады Полевого очень последовательны и продуманны. Полевой сознательно отвергал пушкинскую прозу не как непонятное, а как в р а ж д е б н о е, антиромантическое по своей сути литературное явление. А это совсем разные вещи. Ровная, внешне спокойная и размеренная, а внутренне чрезвычайно напряженная и плотная пушкинская проза, была опасным соседом-конкурентом, слишком явно противостояла романтическим повестям, печатавшимся в «Московском телеграфе», и в том числе произведениям самого Полевого. «Повести Белкина» имели свой непрерывно расширяющийся круг читателей, им начинали уже подражать. А успех «Пиковой дамы» говорил сам за себя.

И потому издатель «Московского телеграфа» избрал весьма эффективную, свидетельствующую о прекрасном знании читательских вкусов и настроений тактику: он постоянно противопоставлял якобы несовершенную, не соответствующую особенностям пушкинского дарования прозу его несравненно более популярной поэзии. А поскольку отнюдь не все читатели Пушкина были так внимательны, чутки и благожелательны, как В. Ф. Одоевский, блестяще разобравший «Капитанскую дочку» в письме к ее автору, то откровенно пристрастным, продиктованным логикой литературной борьбы статьям братьев Полевых удалось на время поколебать в глазах публики репутацию пушкинской прозы. «Повесть «Пиковая дама» — верх художественного совершенства — и «Кавказские повести» Марлинского явились почти в одно время, и что же — ведь слишком немногие тогда поняли высоту великого художественного произведения Пушкина, большинство же наверно предпочло Марлинского» — отмечал Достоевский⁷. Оценивая эту кружковую тенденциозность, намеренную необъективность «Московского телеграфа», Белинский иронически говорил о романтической критике Н. Полевого: «Марлинский у нее обогнал век, а Пушкин отстал от века»⁸.

Более сложно отношение «Московского телеграфа» к повестям В. Ф. Одоевского. Николай Полевой, как известно, был в молодости близок к любомудрам, печатался в «Мнемозине», а молодой Одоевский, в свою очередь, помещал свои статьи в «Московском телеграфе» и писал дружеские письма его издателю. Но логика литературной борьбы беспощадна, и эта трогательная дружба романтиков завершилась в 1844 г. издательской рецензией Николая Полевого на собрание сочинений В. Одоевского. В 30-е же годы чуткий критик Полевой верно уловил сложность, двойственность литературной позиции Одоевского, о которой мы уже писали⁹. В «Пестрых сказках» Одоевский попытался соединить аполог — этот любимый «классиками» жанр басни-аллегии в прозе с поэтикой немецкой романтической повести. Для Одоевского это был смелый эксперимент, шаг к чисто романтической поэтике прозы, к освобождению от голой дидактики и аллегорий. Но с точки зрения общей эволюции русской романтической прозы это выглядело как попытка продлить жизнь архаичного жанра, сообщить второе дыхание допотопной прозе русского классицизма. И потому реакция романтика Н. Полевого на появление «Пестрых сказок» была вполне правомерной: «... Автор возвратился к забытому, несообразному с нашим временем роду распространённой бас-

⁷ «Литературное наследство», т. 83. М., «Наука», 1971, с. 610.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 443.

⁹ См. Сахаров В. И. В. Ф. Одоевский и ранний русский романтизм. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1973, т. XXXII, вып. 5.